

Д. П. Каранов

ВЛИЯНИЕ ФИНЛЯНДИИ НА ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ИНГЕРМАНЛАНДСКИХ ФИННОВ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Проблема влияния Финляндии на этнокультурное развитие ингерманландских финнов в XIX — начале XX века чрезвычайно актуальна в свете изучения этнических процессов в Ингерманландии. Финляндия, будучи прародиной ингерманландских финнов в XVII веке, продолжала влиять на культуру и самосознание этой этнической группы и в последующем. Это влияние, ослабленное в начале XVIII века по причине перехода Ингерманландии под власть России, возобновилось с новой силой лишь в XIX веке.

Возвращение прежних позиций стало возможно в результате вхождения Финляндии в состав Российской империи в 1809 году по условиям Фридрихсгамского мира между Россией и Швецией¹. Россия не изменила административную систему новой территории. В культурном отношении Финляндия стала еще более самостоятельной, чем когда была в составе Шведского королевства. Однако после отделения связь со Швецией не утратилась в большей степени из-за доминирующего положения шведского языка, который оставался основным языком делопроизводства, культуры и образования Великого княжества.

И все же близость к Санкт-Петербургу, крупному европейскому экономическому, политическому, культурному и научному центру, не могла не сказаться на развитии Финляндии в XIX веке. Подданные Финляндии положительно отнеслись к известию о присоединении к России, понимая выгоду и перспективность такой цессии. Каково же было удивление представителей зарождавшейся шведской интеллигенции Финляндии, когда они обратили внимание на живущих в окрестностях Петербурга финнов, отличавшихся от подданных княжества. Известный этнограф Андреас

Шегрен посвятил им целую монографию, написанную на немецком языке, которая стала первым исследованием ингерманландских финнов.

Связанные близостью территорий, лютеранской верой, финским языком, обычаями и традициями, финны Финляндии и Ингерманландии должны были находиться в тесном контакте друг с другом, обеспечивая взаимный культурный обмен. В этом плане наибольший интерес вызывает период подъема финской культуры и роста национального самосознания в Финляндии, который начался в 60-х годах XIX века. Этому в значительной степени способствовало принятие в 1863 году указа о придании финскому языку статуса государственного наравне со шведским и введении национальной денежной единицы — марки. Свою благодарность финны выразили, установив памятник Александру II в Хельсинки в 1894 году.

Влияние Финляндии, выраженное в деятельности ее подданных, на этнокультурное развитие ингерманландских финнов, можно исследовать, оценив общее культурное положение и ситуацию в отдельных культурных сферах или культурных институтах. С этой точки зрения наибольшее внимание привлекают печатные издания, образовательная система и церковь.

Именно поданные Великого княжества основали первую финноязычную газету в Петербурге. Начало издательской деятельности было связано с именем магистра философии И.А. Хагмана, который в 1868 году приехал из Выборга (где он два года издавал газету “*Ilmarinen*”) в Петербург, а в 1870 году начал издавать первую петербургскую газету на финском языке “*Pietarin sanomat*”. В каждом номере печатались стихи и рассказы на литературном финском языке. Эта инициатива была подхвачена другими финноязычными деятелями Ингерманландии. Уже через год, в 1871 году, стала выходить другая финская газета — “*Pietarin sunnuntailehti*”; основателем этого издания был пробст Ю.К. Йоквитс (также входивший в попечительский совет Колпанской семинарии), а главным редактором — Т. Фриман². С 1874 года вместо этой газеты Фриман начал издавать новую — “*Pietarin lehti*”, это издание продолжалось до 1879 года. Однако названные выше издания предназначались в большей степени для финнов, выходцев из Великого княжества, проживавших в Санкт-Петербурге. До ингерманландских финнов содержание этих газет могло не доходить.

Издания, ориентированные на ингерманландских финнов, появились в Петербурге в 1884 году, тоже не без участия финляндских финнов. Наиболее долговечной из этих газет оказалась «*Инкери*», выпуск которой начался в 1884 году. Газета носила религиозный и просветительский характер, а ее главным редактором был пастор А.Ф. Силен, который также

являлся выходцем из Финляндии. Активное участие в подготовке номеров «Инкери» принимали многие выдающиеся ингерманландцы, среди которых выделялась личность композитора и просветителя Моозеса Путро³.

Если при оценке влияния Финляндии на этнокультурное развитие ингерманландских финнов в сфере печатных изданий наиболее примечательны фигуры редакторов и авторов, то в школьной системе ключевыми персонами, безусловно, становились учителя. В становлении учителя как специалиста значительную роль играет педагогическое учреждение, подготовившее его, а точнее — педагогический коллектив этого учреждения. Несомненен тот факт, что, помимо знаний, преподаватель передает студентам частичку своего опыта, немного собственных впечатлений и представлений, формируя тем самым их мировоззрение. Этот важный компонент теории образования заставляет нас обратить внимание на ингерманландских учителей, в большей степени на тех, кто осуществлял их подготовку.

Для обеспечения нормальной работы церковных школ требовались финские учителя, которых не хватало. Пасторы просто не справлялись с огромным объемом работы. Это привело к тому, что в середине XIX века возникла необходимость в создании семинарии, осуществляющей подготовку учителей. Она обуславливалась ростом финского населения Санкт-Петербургской губернии и дополнялась характерными особенностями лютеранства. В соответствии с требованиями лютеранской церкви юноши, вступающие во взрослую жизнь, должны были уметь писать, читать Евангелие, а также знать наизусть некоторые выдержки из Малого Катехизиса Лютера. Без этих знаний молодые люди не могли пройти конфирмацию, а значит, стать полноправными субъектами финской общины. Молодые люди овладевали чтением и письмом в деревенских школах, но учителей не хватало. Многим детям приходилось ежедневно проходить более десяти километров от родной деревни до церковно-приходской школы и обратно. Решить эту проблему должна была Колпанская семинария.

Колпанская семинария начала свою работу в 1863 году⁴. В ней готовили учителей и кистеров⁵ для финских церковно-приходских (а впоследствии и народных) школ Ингерманландии⁶. Она была учреждена на средства вспомогательной кассы лютеранских приходов и, по существу, являлась результатом воплощения инициативы небольшой группы лютеранских священнослужителей.

Несмотря на все сомнения, решение об основании семинарии для подготовки финских учителей в Малых Колпанах было принято на собрании пасторов в 1860 году⁷. Обучение в семинарии было решено сделать бес-

платным, а бюджет формировался за счет средств из вспомогательной кассы лютеранских приходов и крестьянских пожертвований. После принятия этого решения при Колпанской семинарии был образован Попечительский совет, отвечавший за организацию учебного заведения. Первоначально в него входили пять человек: настоятель прихода Молосковицы Карл Эдвард Паландер, настоятель Гатчинского прихода Эдвард Леопольд Юргенсен, настоятель прихода Шпаньково Пауль Теодор Швинд, настоятель прихода Туутари Юхан-Кристиан Йоквитс и настоятель прихода Скворицы Юхан Грундстрем⁸.

Колпанская семинария существовала с 1863 по 1919 год, и все это время практически все ее руководители были выходцами из Финляндии. При этом роль Колпанской учительско-кистерской семинарии в культурном развитии ингерманландских финнов конца XIX — начала XX века трудно переоценить. Это учебное заведение стало кузницей национальных кадров Ингерманландии, воспитав и подготовив не одно поколение учителей. По образному выражению епископа Л. Хассинена, семинария «стала источником света для финнов Ингерманландии»⁹. Колпанская семинария в XIX — начале XX века формировала культурную элиту ингерманландских финнов. Благодаря семинарии возник слой людей, чья деятельность в значительной степени способствовала консолидации этой этнической группы.

Другой важной сферой, где влияние Финляндии отчетливо просматривается, была лютеранская церковь. Привлекает внимание тот факт, что с начала XIX века (скорее всего, после присоединения Финляндии к Российской империи) до 1917 года лютеранская церковь была ключевой организацией в жизни ингерманландских финнов. Финская лютеранская церковь на территории Санкт-Петербургской губернии не только удовлетворяла духовные потребности финнов-ингерманландцев, но и являлась их представителем и первым защитником перед государством. Именно церковные деятели инициировали создание Колпанской семинарии, ставшей впоследствии «источником света для финнов Ингерманландии». Именно в церковной среде зародилась финская интеллигенция, первые печатные издания. За счет лютеранской церкви росла сеть народных школ, не считая многочисленных конфирмационных и воскресных школ. Деятельность представителей лютеранской церкви можно считать «первопричиной» этнокультурного развития ингерманландских финнов.

Зачастую исследователи ингерманландских финнов подчеркивают их приверженность лютеранству, но эта конфессия не всегда и не везде была этнокультурной составляющей или компонентом этнической идентично-

сти ингерманландских финнов. Несколько миграционных волн, вызванных экспансионистской политикой шведского королевства после подписания Столбовского мирного договора, уже к концу XVII века позволили считать Ингерманландию, по мнению отечественных и зарубежных исследователей, провинцией с преимущественно лютеранским населением. Но существуют и обратные свидетельства. В пятом томе «Очерков России» в статье о поверьях и обычаях финнов написано: «Лет 60 назад на границах Новгородской губернии, в приходе Лисино, на холме рос можжевельный лесок и в середине его большое можжевельное дерево. Крестьяне соседней деревни огородили плетнем холм и приносили дереву, как жертву, первые зерна жатвы — первое молоко родильницы, первое молоко отелившейся коровы, пищу и вино, назначенные для праздников. Все это соблюдалось с большой строгостью, пока лютеранское духовенство не срубило дерево»¹⁰. Далее автор продолжает: «Подобное же поверье существовало в Ораниенбаумском округе, и вообще названия многих деревень напоминают имена местных богов»¹¹.

Пятый том «Очерков» был опубликован в 1842 году. Не трудно предположить, что «60 лет назад» — это 80-е годы XVIII века. Возникает противоречие, так как считается что финны, переселившиеся в эту область, уже были лютеранами. Учитывая факты, приведенные Пассеком, напрашиваются противоречивые выводы относительно конфессиональной приверженности ингерманландских финнов: либо финские переселенцы были лютеранами, но ассимилировались местными этническими группами, проживавшими в этих районах с давних времен, и приняли их верования; либо предки ингерманландских финнов были лютеранами только номинально, оставаясь приверженцами языческих верований, а христианами они стали благодаря активной «просветительской» деятельности лютеранской церкви на территории Санкт-Петербургской губернии; либо Вадим Пассек описывает не ингерманландских финнов, а местные финские племена, сохранившие свои архаичные представления, и т.д. Так это или иначе, можно продолжительное время рассуждать о данной мифологеме, но, на наш взгляд, центральное место в этом примере занимает не описание ритуала, а фраза «...пока лютеранское духовенство не срубило дерево». Именно указание на инициативные действия представителей лютеранской церкви имеет наибольшую смысловую ценность в этом отрывке.

Приведенный выше пример далеко не единственный. Он наиболее ярко раскрывает роль лютеранской церкви в истории ингерманландских финнов как ключевой этнообразующей силы.

Таким образом, в этнокультурном развитии ингерманландских финнов XIX — начала XX века ключевую роль играли выходцы из Финляндии. Причем, как нам удалось показать, наибольшее влияние ощущалось в церковно-приходской среде. Кроме того, заслуги финнов Финляндии в обеспечении этнокультурного развития ингерманландских финнов выражены в основании первых периодических печатных изданий, участии в создании Колпанской семинарии, создании условий для формирования ингерманландской интеллигенции, активизации просвещения ингерманландских финнов и т.д.

* * *

¹ Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. М., 2009. С. 26.

² Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX — XX в. Кишинев; СПб., 2001. С. 49.

³ Моозес Путро родился в Санкт-Петербургской губернии и по праву считается наиболее выдающимся ингерманландским финном. После окончания Колпанской семинарии он продолжил музыкальное обучение в Финляндии, по окончании которого вернулся в Петербург.

⁴ Мусаев В.И. Указ. соч. С. 46.

⁵ Церковная должность у протестантов, совмещаемая с работой учителя в церковно-приходской школе; помощник пастора.

⁶ Шлыгина Н.В. Финны-ингерманландцы // Прибалтийско-финские народы. М., 2003. С. 474.

⁷ Мусаев В.И. Указ. соч. С. 46.

⁸ Халтсонен С. Ингерманландские финские школы и этапы народного просвещения // История ингерманландских финнов / пер. с фин. Р.И. Иванен. СПб., 2010. С. 215.

⁹ Риехкалайнен Ю. Ингерманландские финны. История и судьба. Петрозаводск, 2009. С. 29.

¹⁰ Пасек В. Очерки России. М., 1842. Кн. 5. С. 121.

¹¹ Там же.